
Проданная
Ледяному Лорду
18+
Лера Вега

Лера Вега

Проданная Ледяному Лорду

https://litres.ru/74834823
SelfPub; 2026

Аннотация

Прямо на предновогоднем балу дядя продал меня за долги лорду Дамиану — беспощадному правителю Ледяного Предела. В столице шепчутся, что в его жутком замке девушки не доживают до весны.

У меня нет выбора: чтобы пережить зиму, я вынуждена согревать его ледяную постель. И теперь Дамиан смотрит на меня с такой одержимостью, что свободы мне, похоже, не видать

В книге вас ждут:

Властный, опасный герой, теряющий голову от героини

Дерзкая «серая мышка» с огненным секретом

Очень откровенно: магия через близость и взаимная зависимость

Огромный, наглый снежный котяра по кличке Крыс

Тёмная зимняя сказка: наедине в замке, вьюга за окном и жаркие шкуры у камина

Истинная пара вопреки всему и обязательный ХЭ!

Содержание

Глава 1. Аврора 4
Глава 2. Дамиан 8
Глава 3. Аврора 13
Глава 4. Дамиан 22
Глава 5. Аврора 29
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лера Вега
Проданная Ледяному Лорду

Глава 1. Аврора

За высокими стрельчатыми окнами валил снег. В бальном зале было душно от запахов чужих духов, воска и сладкого вина, а у меня от проклятых туфель уже второй час нещадно гудели ноги. Ужасно хотелось скинуть их под столом и размять затёкшие пальцы.

Я потёрла переносицу там, где обычно были очки. Дядюшка отобрал их ещё в карете — заявил, что со стекляшками на носу я похожа на архивную мышь. В итоге весь предновогодний приём расплывался перед глазами золотым пятном. Зато вырез на навязанном мне платье был таким глубоким, что грудь едва не вываливалась при каждом вдохе. «Нужно показать товар лицом», — сказал дядя перед выходом.

Десять минут назад, перехватив меня у фуршета, он наконец пояснил, перед кем именно я должна светить голыми плечами. Домой я сегодня не поеду. Семейные долги списаны, меня продали правителю Севера как донора на новогодний Йоль. А в столице каждая собака знала, что у ледяного

лорда девицы до весны не доживают — сгорают дотла на его проклятом алтаре.

Я сделала большой глоток из бокала, но вкуса не почувствовала. В горле пересохло. Весь вечер я украдкой косилась на дальний конец зала, где у колонны стоял сам лорд Дамиан. Светлые, почти белые волосы убраны назад, глухой чёрный мундир сидит как влитой на широких плечах. Красивый, зараза. И взгляд такой тяжёлый, льдистый, будто всех присутствующих он считает надоедливыми мухами.

Когда он вдруг отделился от колонны и направился прямо ко мне, внутри всё неприятно сжалось. Интуиция, которая не раз выручала меня, заорала: пора линять.

Я торопливо поставила бокал и шагнула за тяжёлую портьеру на балкон, надеясь спрыгнуть в сугроб и уйти через парк. Морозный воздух сразу щипнул за обнажённую кожу, грудь под тонким шёлком свело от холода. Я перегнулась через каменную балюстраду — высоковато, но под окнами намело по пояс.

Дверь за спиной тихо скрипнула, отсекая шум музыки. Я обернулась, упёрлась поясницей в холодный камень перил.

Дамиан остановился в шаге от меня. Вблизи он казался ещё больше. Верхние крючки его мундира были расстёгнуты, и по бледной шее из-под ворота рубашки тянулись тёмные морозные узоры.

— Значит, Аврора, — произнёс он и окинул меня таким изучающим взглядом, будто лошадь на ярмарке покупал. —

Твой дядя уверял, что ты тихая и покладистая.

— Дядя много чего болтает, когда ему нужно прикрыть свой зад, — буркнула я, безуспешно пытаясь запахнуть куцую шаль на груди. Отступать было некуда, позади только сугробы под балконом. — Чего вам от меня надо?

Дамиан удивлённо приподнял бровь. Видно, с ним редко разговаривали в таком тоне. Он шагнул вплотную, бесцеремонно взял меня за подбородок и повернул лицом к свету из окна.

Пальцы у него оказались ледяными, но там, где он коснулся кожи, вдруг странно закололо, а по шее вниз пополз густой, дурманящий жар. Я вздрогнула и попыталась отбить его руку.

— Уберите лапы, — огрызнулась я, хотя в ушах вдруг зазвенело, а к щекам прилила кровь. Какого чёрта?

Дамиан не отпустил. Наоборот, его взгляд потяжелел, опустился к моим губам, а затем к глубокому вырезу платья.

— Надо же. Не соврал старик, искра имеется, — задумчиво проговорил он.

Его ладонь неожиданно скользнула с моего подбородка по шее и легла прямо на ключицу, почти касаясь ложбинки меж грудей. От контраста его ледяной кожи и собственного жара у меня перехватило дыхание, а внизу живота предательски сладко потянуло. Соски под тонким шёлком мгновенно затвердели — не то от мороза, не то от его бесстыдного прикосновения.

Дамиан заметил это. Уголок его губ дёрнулся в хищной ухмылке, он прижал меня бёдрами к самым перилам так, что я сквозь тонкую ткань юбки ощутила каменные мышцы его ног, и наклонился к самому уху.

— Собирайся, мышка. Мы уезжаем сегодня, до полуночи.

— Куда это? Никуда я с вами не поеду, — я упёрлась ладонями в его твёрдую грудь, пытаясь оттолкнуть, но с тем же успехом можно было толкать крепостную стену. — Ищите себе другую дуру для своего ритуала!

Он коротко хохотнул.

— У тебя забыли спросить. Я заплатил за тебя втрое больше, чем стоит вся ваша прогнившая усадьба, — просто сказал он. — Но если не будешь вопить и кусаться, так и быть — в своём замке я предложу тебе весьма выгодную сделку.

— Да пошли вы к чёрту со своей сделкой! — я замахнулась, чтобы залепить ему пощёчину, и набрала в грудь воздуха для визга.

Дамиан сжал зубы, легко перехватил моё запястье, а со второй ладони сдул мне в лицо какую-то мелкую серебристую пыль.

Я судорожно чихнула, вдохнув морозный дурман. Голова тут же закружилась, ноги стали ватными. Последнее, что я сообразила, прежде чем провалиться в темноту: этот гад завернул меня в свой меховой плащ и закинул на плечо, как мешок с крупой.

Глава 2. Дамиан

Столица бесила Дамиана с первой минуты. Здесь было слишком шумно, грязно и воняло дешёвым табаком вперемешку с приторными духами. Он ненавидел южные балы, но выбора не было: до Кровавого Йоля оставалось десять дней, а Кристалл Севера затухал.

Проклятие вечной мерзлоты с каждым месяцем въедалось в него всё глубже. Последние полгода Дамиан почти не чувствовал вкуса еды, вино казалось обычной водой, а собственные пальцы по утрам немели от внутреннего холода. В постели было не лучше: столичные красавицы вешались ему на шею гроздьями, но стоило ему потерять контроль, как на их нежной коже оставались синие пятна обморожения. Они визжали и плакали, а его это только раздражало.

Когда трусливый должник Виктор приполз к нему с предложением списать векселя в обмен на племянницу с редким южным резервом, Дамиан согласился без особого интереса. Ожидал увидеть очередную бледную овцу, которая грохнется в обморок при первом же взгляде.

Но девчонка у колонны сразу привлекла его внимание.

Она смешно щурилась, то и дело тёрла нос и явно маялась от скуки. Когда думала, что никто не видит, она втихаря вытаскивала ногу из туфли под скатертью и кривилась. Платье на ней сидело так, будто его подбирали в борделе: нелепые

голубые кружева еле прикрывали грудь и обнажали стройную спину до самой поясницы.

На балконе Дамиан собирался просто проверить, есть ли в ней хоть капля обещанной силы, и передать девчонку кучеру.

Но стоило его пальцам коснуться её кожи, как по руке ударил такой густой, обжигающий поток, что у него самого потемнело в глазах. От неё не пахло столичными притираниями — только чистой горячей кожей, мёдом и живым огнём. Когда он провёл ладонью ниже, к груди, девчонка так судорожно вздохнула и порозовела, что Дамиан на секунду забыл про Кристалл. Тело отреагировало мгновенно и жёстко — впервые за долгие годы в паху разлилась тяжёлая, требовательная истома.

Договориться по-хорошему не вышло: характер у «тихой племянницы» оказался скверным. Пришлось пустить в ход сонную пыльцу, чтобы не тащить брыкающуюся девицу через весь бальный зал на глазах у сплетниц.

— Сразу видно, покладистая невеста, — ехидно заметил кучер, когда Дамиан через чёрный ход принёс свёрток в мехах и шагнул в салон запряжённого перед порталом экипажа. — Может, её на заднюю лавку положить, милорд?

— Заткнись и трогай, — буркнул Дамиан, захлопывая дверцу.

Отпускать её из рук почему-то совершенно не хотелось. Весь путь через ледяной разлом он продержал девчонку у

себя на коленях.

Сонный порошок действовал на южных магов странно: вместо того чтобы спать без задних ног, Аврора всю дорогу ворочалась, распахнув меховой плащ, и бессознательно жалась к нему в поисках опоры. То утыкалась горячим носом прямо в его шею под воротником, обжигая кожу дыханием, то елозила упругим задом по его бёдрам, отчего Дамиану приходилось стискивать зубы. В какой-то момент её ладонь скользнула ему под мундир, а с полуоткрытых губ сорвался тихий, хриплый стон.

«Издевается, зараза, даже во сне», — зло подумал Дамиан, перехватывая её тонкую талию и прижимая к себе плотнее, чтобы не ёрзала.

От неё шло такое одуряющее тепло, что морозная ломота в его груди впервые за зиму полностью стихла. Он поймал себя на том, что всю дорогу бесстыдно тискает одурманенную пленницу, перебирая пальцами её густые, растрёпанные пряди и вдыхая запах её макушки.

Когда сани наконец остановились во дворе северной цитадели, Дамиан не стал будить слуг. Сам поднял девушку на руки и понёс по пустым гулким лестницам в свою башню.

Он толкнул плечом тяжёлую дубовую дверь спальни, шагнул внутрь. В камине лениво догорали угли, за стрельчатыми окнами выла привычная вьюга.

На широкой хозяйской кровати, развалившись поперёк подушек, возлежал огромный, размером с добрую рысь,

снежный кот с рваным левым ухом. Увидев хозяина, зверь даже не подумал подвинуться — только лениво приоткрыл один жёлтый глаз и недовольно дёрнул хвостом.

— Пшёл вон, Крыс, — тихо скомандовал Дамиан, подходя к постели.

Кот глухо заурчал, выпуская когти с палец длиной, и демонстративно отвернулся. Дамиан мысленно выругался, сгрёб сорокакилограммовую тушу за шкирку и под недовольное шипение бесцеремонно спихнул на ковёр, после чего опустил Аврору на простыни.

Меховой плащ сбился, открывая задранный до середины бедра подол и стройные ноги в нелепых чулках. Дамиан некоторое время молча стоял над кроватью, расстёгивая свой мундир и разглядывая спящую девушку. В отблесках камина она вовсе не казалась серой мышкой.

Крыс тут же запрыгнул обратно на матрас. Обойдя Аврору по дуге, котяра подозрительно обнюхал её ладонь, шумно втянул носом воздух и вдруг, к полному изумлению Дамиана, увалился прямо ей под бок, положив тяжёлую морду девушке на живот и заведя оглушительное мурлыканье. Обычно эта шерстяная тварь признавала только сырое мясо и драла любого, кто пытался её погладить.

«Губа не дура, грелку учуял», — хмыкнул про себя Дамиан, стягивая через голову рубашку.

Похоже, утром его ждал очень непростой разговор. И судя по тому, как эта девчонка вела себя на балконе, скучать до

самого Йоля ему точно не придётся.

Глава 3. Аврора

Сквозь мутный туман в голове я помнила только обрывки: как меня куда-то несли, как покачивало на ухабах, а щека прижималась к твёрдой мужской груди. Было тепло и пахло хвоей.

Когда я наконец разлепила веки, в висках адски стучало. В горле пересохло, а на грудь и живот давила неподъёмная тяжесть — ни вдохнуть, ни пошевелиться.

Я с трудом сфокусировала взгляд и похолодела. Прямо на мне, поджав лапы, лежала огромная белая тварь. Спросонок и без очков я решила, что это полярный волк. Мохнатая башка размером с добрую тыкву покоилась у меня под рёбрами, левое ухо было рваным, а из-под верхней губы торчал кривой клык.

Почувствовав, что я не сплю, зверюга открыла один жёлтый глаз, зевнула во всю пасть и вдруг завела такое громогласное мурлыканье, что задрожал матрас.

Кот. Боги всемогущие, да в нём весу было килограммов сорок, не меньше.

Я осторожно, по дюйму выскользнула из-под меховой туши и села. Кот недовольно дёрнул хвостом, но слезать с постели не подумал — только перевалился на тёплое место, где я только что лежала, и снова прикрыл глаза.

Голова нещадно кружилась. Я сжала пальцами виски, вы-

ругалась сквозь зубы и осмотрелась. Просторная полукруглая спальня, стены из тёмного тёсаного камня, высокий купольный потолок. В широком камине лениво тлели угли.

Я спустила босые ноги на толстый ковёр, метнулась к узкому стрельчатому окну и не смогла сдержать отчаянного стона.

С головокружительной высоты открывался вид на ослепительно белую пустыню. Бескрайние снега, чернеющие скалы и ледяные пики до самого горизонта. От яркого зимнего солнца без очков тут же заслезились глаза, а от высоты к горлу подступила дурнота. Я отпрянула от стекла и перевела дух.

Значит, не приснилось. Лорд Дамиан действительно уволок меня в Ледяной Предел.

На низком столике у кресла стоял графин с водой и поднос с едой: большой ломоть запечённого мяса, хлеб и сыр. Я подскочила к столу, схватила графин, плеснула воды в стакан и уже поднесла к губам, но замерла. А вдруг там снова какая-нибудь сонная дрянь? Я отставила стакан, хотя в горле драло как наждаком.

Огромный белый котяра тем временем спрыгнул с кровати, бесшумно подошёл к столику, бесцеремонно сгрёб когтистой лапой кусок мяса прямо с тарелки и принялся с урчанием жевать его на ковре.

— Приятного аппетита, нахлебник, — буркнула я.

Раз эта шерстяная машина жрёт и не дохнет, значит, не

отравлено. Я залпом осушила стакан воды, потом налила второй. Сразу немного полегчало. Заторопившись, я запихнула в рот кусок хлеба с сыром и заметила на подносе тяжёлую серебряную вилку — ножа предусмотрительно не положили.

В коридоре за дверью послышались глухие шаги и звяканье ключей.

Сердце ухнуло куда-то к рёбрам. Покорно сидеть взаперти и ждать, пока меня пустят в расход в новогоднюю ночь, я не собиралась. Я метнулась к двери, прижалась к каменной кладке сбоку от косяка.

Щёлкнул замок, тяжёлая дубовая створка приоткрылась, и в спальню шагнул сухопарый пожилой слуга с охапкой дров в руках. Я не стала раздумывать: вложив весь свой вес, врезалась ему плечом под локоть, сбивая с ног. Поленья с грохотом раскатились по полу, старик охнул и повалился на бок, а я пулей вылетела в коридор.

Длинный голубой подол зацепился за кованую скобу двери. Ткань с треском лопнула до самого бедра, но мне было плевать. Босая, растрёпанная, в драном платье, я неслась вниз по широкой винтовой лестнице.

На втором пролёте из-за каменного выступа вышел Дамиан.

В первую секунду он просто опешил, глядя, как на него сверху летит всклокоченная девица. А в следующую — легко перехватил меня поперёк талии и с глухим стуком вжал

спиной в холодную стену.

— Пусти! — заорала я, пуская в ход локти и пятки.

Дамиан поморщился и широкой ладонью зажал мне рот, наваливаясь всем своим тяжёлым, мускулистым телом. Я не растерялась и со всей дури впилась зубами в ребро его ладони.

Он глухо выругался сквозь зубы, но руку не убрал. В то же мгновение там, где мои губы касались его кожи, снова полыхнуло — густая, горячая волна ударила из самого нутра, заставив морозный воздух на лестнице мелко задрожать.

Я продолжала брыкаться, пинаться и мычать. Тогда Дамиан коротко встряхнул меня, приложив лопатками о камень так, что из лёгких выбило дух. Я затихла, тяжело дыша через нос и яростно сверля его взглядом.

Он приблизил лицо вплотную — наши носы почти соприкасались. В полумраке перехода его льдистые глаза казались тёмными и совершенно бешеными. Свободной рукой он сжал мою талию, провёл ладонью вверх по рёбрам и жёстко, до боли надавил большим пальцем под грудью. Я судорожно всхлипнула.

— Угомонись, — зло прошипел Дамиан. — За воротами замка тридцать градусов мороза и ледяная пустыня вокруг. Хочешь замёрзнуть в сугробе через пять минут? Марш наверх, там всё объясню.

Ноздри у меня раздувались от бешенства, грудь под его ладонью ходила ходуном.

— Убери руки, — процедила я, когда он наконец отнял укушенную ладонь от моих губ.

Дамиан не спешил отстраняться. Его взгляд неторопливо скользнул по моей разорванной до бедра юбке, задержался на голой ноге, а потом вернулся к лицу. Я воспользовалась заминкой, больно пнула его пяткой по голени, вывернулась из захвата и, гордо подобрав остатки голубого тряпья, демонстративно зашагала обратно по ступеням.

В спальне хмурый слуга уже складывал дрова у камина, косясь на меня как на буйнопомешанную. Огромный белый кот сидел на сундуке и с живым интересом наблюдал за представлением.

— Оставь нас, — бросил Дамиан с порога. Слуга тут же поклонился и выскользнул за дверь. — Сядь, — велел мне лорд, подходя к очагу.

На нём была только простая чёрная рубашка с закатанными до локтей рукавами и плотные тёмные брюки. По бледным предплечьям до самых кистей вились всё те же тёмно-синие морозные узоры, а на ребре ладони наливался кровью след от моих зубов.

Я из чистого упрямства осталась стоять у кресла, скрестив руки на груди, чтобы хоть немного прикрыть треснувший вырез.

— Зачем вы меня украли? — холодно спросила я.

Дамиан опёрся плечом о каминную полку и криво усмехнулся.

— Минуту назад кусалась как дикая кошка, а теперь строишь из себя столичную недотрогу. Ты прекрасно знаешь, зачем ты здесь, Аврора. Твой дядя продал тебя за долги. Через десять дней, в полночь Кровавого Йоля, ты спустишься со мной к Кристаллу Севера и отдашь свой резерв.

— Чтобы сдохнуть прямо на вашем алтаре, как предыдущие девицы? — я шагнула вперёд, до боли сжимая кулаки. — Черта с два! Я реставрировала старые книги в отцовском архиве и читала трактаты по северным накопителям. Если вы попытаетесь вытянуть из меня нераскрытый резерв за один раз, моё сердце остановится от болевого шока через две минуты, а ваш драгоценный Кристалл получит жалкие крохи!

Ухмылка медленно сползла с лица Дамиана. Он прищурился, разглядывая меня уже без прежней насмешки.

— Допустим. И к чему ты клонишь?

— К тому, что я не собираюсь ложиться в гроб из-за долгов дядюшки Виктора, — твёрдо сказала я. В груди всё колотилось от страха, но показывать слабину перед этим хищником было смерти подобно. — На балконе вы говорили про выгодную сделку. Так вот моё предложение: никакого алтаря в новогоднюю ночь. Я буду отдавать вам силу добровольно, понемногу, каждый вечер до самого Йоля. В трактатах сказано, что без принуждения отдача вдесятеро чище — вы полностью напитаете свой Кристалл, а утром после праздника откроете портал, заплатите мне за работу и отпустите домой.

В спальне повисла тишина. Только поленья тихо трещали

в огне да кот на сундуке принялся громко вылизывать лапу.

Дамиан отлепился от камина и неторопливо пошёл на меня. Двигался он мягко и хищно, совсем как его перекормленный зверь.

— Торгуешься со мной в моей же башне? — в его низком голосе скользнуло странное веселье. — Хваткая мышка. И сколько же ты хочешь за свою покладистость?

Я быстро прикинула в уме стоимость закладных на отцовскую мастерскую, накинула сверху втрое, чтобы хватило сбежать от родни на другой конец страны, и без запинки назвала сумму.

Дамиан коротко хохотнул.

— Аппетиты у тебя совсем не мышиные. Ладно, по рукам. Деньги для меня пустяк. Но если твоих крох не хватит, чтобы удержать купол в Йоль, — пеняй на себя. Проверим прямо сейчас.

Я с огромным облегчением выдохнула. Кажется, пронесло. Главное — выиграть время и пережить эти десять дней, а там разберёмся.

— Хорошо, — деловито кивнула я и протянула ему раскрытую ладонь, рассчитывая на обычное рукопожатие, как при передаче мелкого заряда артефакторам. — Забирайте первую часть.

Дамиан посмотрел на мою вытянутую руку как на забавную диковинку, шагнул вплотную и перехватил меня за голое запястье.

Стоило его ледяным пальцам сомкнуться на моём пульсе, как по руке словно ударило током.

Мой внутренний жар, который годами давили скверными отварами, рванулся навстречу его стуже с такой дурной, необузданной силой, что в камине за его спиной с гулом взметнулся сноп золотых искр, а кот на сундуке с шипением вздыбил шерсть.

Меня качнуло вперёд. В голове разом помутилось от сладкого, тягучего дурмана, а колени предательски ослабли.

Дамиан резко втянул воздух сквозь сжатые зубы. Его синие глаза потемнели, а зрачки на глазах сузились в тонкие вертикальные щели. Он не отпустил мою руку — наоборот, одним рывком дёрнул меня на себя и снова впечатал спиной в простенок у окна.

— Что вы... — начала было я, но голос пропал.

От его ледяной выдержки не осталось и следа. Дамиан дышал тяжело и часто, будто только что рубился на мечах. Свободной рукой он ухватился за ворот моего многострадального платья и без малейших усилий рванул ткань в сторону. Тонкий шёлк с треском разошёлся по шву, окончательно оголяя плечо, ключицу и половину груди.

Я даже пискнуть не успела, как Дамиан наклонился и прижался холодными губами прямо к бьющейся жилке у меня на шее, жадно скользя поцелуем ниже, к самой ложбинке меж грудей.

Меня будто кипятком ошпарило. Там, где касались его гу-

бы и горячий язык, не было ни капли холода — кожа полыхала живым огнём, а внизу живота скрутился такой тугой, постыдный узел, что перехватило дух. Если бы Дамиан не прижимал меня к стене своим тяжёлым бедром, я бы просто сползла на пол. Мои пальцы сами собой вцепились в его широкие плечи, сминая чёрную рубашку, а с губ сорвался тонкий, прерывистый стон.

Дамиан глухо зарычал мне в кожу, сильнее вжимаясь своим твёрдым, явно возбуждённым телом в мой живот, и с какой-то звериной жадностью прикусил нежную кожу над моей грудью, втягивая в себя мой жар.

Через секунду он с видимым усилием отстранился, упёрся ладонями в камень по обе стороны от моей головы и посмотрел сверху вниз потемневшим, шальным взглядом.

— Просто подержаться за руки не выйдет, мышка, — хрипло выдохнул он мне прямо в губы. — Чтобы накормить Север до Йоля, мне придётся брать тебя целиком. Каждую ночь.

Глава 4. Дамиан

Кончики пальцев до сих пор покалывало, а на губах горел чужой, пряный жар — будто после долгих месяцев ледяной пустыни он залпом выпил кружку обжигающего глинтвейна.

Дамиан смотрел на прижатую к стене девчонку и с трудом узнавал самого себя. За последние пять лет проклятие вымораживало из него почти все человеческие порывы, оставив лишь глухую усталость и вечную ломоту в груди. Он давно привык к тому, что его тело — не более чем ледяной панцирь, удерживающий границы Предела. Но сейчас кровь с грохотом билась в висках, дыхание сбилось, а внизу живота тянуло так остро и требовательно, словно он снова стал двадцатилетним юнцом.

Аврора тяжело дышала под его руками. Глаза у неё стали огромными, щёки залил густой румянец, а разорванный голубой шёлк окончательно сполз с плеча, открывая нежную кожу с красным следом от его зубов.

Секунду Дамиан думал, что сейчас она разревётся или упадёт в обморок — именно так обычно поступали столичные барышни, когда он терял терпение.

Вместо этого Аврора вдруг хищно прищурилась, смерила его тяжёлым взглядом и хрипло выдала:

— С ума сошли, милорд? Уберите руки, мы так не договаривались.

Наваждение слегка схлынуло, хотя внутри всё ещё клокотало. Дамиан невольно усмехнулся. Он заметил, как странно она фокусирует взгляд — девчонка явно видела его чётко только потому, что он стоял в двух вершках от её носа.

— Ты сама предложила сделку, Аврора, — глухо произнёс он, не убирая ладоней со стены по обе стороны от её головы. — Или думала, я буду десять дней держать тебя за мизинец и вести светские беседы о погоде?

— Я думала, вы нормальный маг, а не дикарь с голодного края! — огрызнулась она и свободной рукой торопливо натянула клочья платья до самого подбородка. — Я согласилась делиться резервом, а не работать вашей ночной грелкой! Если вздумаете снова распускать руки без спроса — я вам этот Кристалл поперёк горла поставлю. Понятно?

Дамиан сжал зубы. Её упрямство одновременно злило и раззадоривало. От неё так одуряюще пахло живым теплом и мёдом, что стоять рядом и ничего не делать было выше его сил. Он понимал: если останется в спальне ещё хоть на минуту, то просто плюнет на все приличия, сдерёт с неё остатки этой голубой тряпки и повалит на кровать прямо сейчас. А нераскрытый южный резерв от такого напора может просто выгореть.

«Нельзя. Испортишь всё дело», — одёрнул он себя.

Дамиан резко отступил на шаг, запуская пятерню в растрёпанные белые волосы.

— Вторая дверь слева — купальня. Горячая вода там по-

даётся из подземных источников круглосуточно, — отрывисто бросил он, отворачиваясь к выходу. — Приведи себя в порядок и поешь нормально. Эту порнографию с себя сними и выкинь в камин, смотреть тошно. Одежду тебе принесут.

— Подождите! — возмущённо крикнула она ему в спину. — Мы не закончили разговор! Как именно вы собираетесь забирать магию?!

— Вечером узнаешь, — бросил Дамиан через плечо и вышел, плотно притворив за собой тяжёлую дверь.

Спускаясь по винтовой лестнице, он на ходу разминал кисть. Тёмно-синие морозные узоры на предплечьях побледнели, отступив под кожу, а пальцы впервые за всю зиму двигались легко, без привычного онемения. Даже прокушенная ладонь приятно саднила — настоящая, живая боль вместо мёртвого холода.

На нижней площадке ему попался старый Мартин. Дворецкий кряхтел, потирая ушибленный бок.

— Живой? — спросил Дамиан, останавливаясь рядом.

— Цел, милорд. Шустрая девица попалась, чтоб ей пусто было, — беззлобно проворчал старик, выпрямляясь. — С виду сущая пигалица, в чём только душа держится, а сбила с ног как портовый вышибала. Прикажете запереть её и приставить охрану?

— Не надо охраны. Из башни ей всё равно деваться некуда — на переходах лютый сквозняк, а она босая, — ответил Дамиан. — Найди ей нормальные тёплые вещи по размеру.

Шерстяные свитера, плотные штаны, меховые унты. И пошли гонца в слободу к старому оптику — пусть соберёт саквояж с очками разных диоптрий и доставит к обеду. Девчонка слепая как крот, на шаг вперёд ничего не видит.

Мартин удивлённо приподнял седую бровь. Предыдущих доноров, которых привозили с юга, селили в нижнем гостевом крыле и не баловали особым вниманием.

— Будет сделано, милорд. А что насчёт ужина? Подать ей в башню?

— Накроешь на двоих в малой каминной, — после короткой паузы распорядился Дамиан. — Только без нашей мороженой рыбы и крови. Приготовь нормальное жаркое, горячий бульон и пряное вино. Ей нужно восстановить силы.

Остаток короткого северного дня Дамиан провёл за пределами цитадели, объезжая пограничные рубежи. Погода портилась: низкое свинцовое небо давило на зубчатые пики скал, ветер нёс колючую снежную крупу. У дальнего ущелья защитный купол заметно фонил и шёл рябью, как тонкий лёд под сапогом. Мёрзлые подходили всё ближе — его разведчики ещё утром нашли в сугробах следы босых обмороженных ног и чёрную сукровицу. До Кровавого Йоля оставалось совсем немного времени, а Кристалл едва дышал.

Но даже глядя на трещины в ледяном щите, Дамиан то и дело ловил себя на том, что думает вовсе не о мёрзлых. Перед глазами стояла растрёпанная девчонка у стены и то, как она вздрогнула и выгнулась, когда он прикусил её кожу

над грудью.

В замок он вернулся, когда сумерки уже окончательно сгустились, утопив снежную пустошь в сизой мгле.

В башне было тихо. Дамиан толкнул дверь спальни, ожидая увидеть Аврору спящей под меховым одеялом или скучающей у окна. Но постель оказалась пуста. Из приоткрытой двери купальни тянуло влажным тёплым паром и сладким мылом, а в корзине для дров у камина валялись голубые шёлковые лохмотья.

Нахмурившись, Дамиан прошёл через спальню к боковой арке, ведущей в его личную библиотеку, — и замер на пороге.

В огромном полутёмном зале, где веками царил могильный холод, горел мягкий золотистый свет.

Аврора забралась почти под самый свод по приставной деревянной лестнице у книжных стеллажей. На ней был один из старых походных свитеров самого Дамиана — рукава пришлось подвернуть раз пять, а растянутый подол доходил ей почти до колен, прикрывая ноги в толстых шерстяных носках. На носу девчонки сидели круглые очки в тонкой черепаховой оправе, а влажные после ванны рыжие волосы вились мелкими завитками вокруг лица.

Одной рукой она прижимала к груди пачку старых свитков, а вторую вытянула к потухшему хрустальному светильнику под потолком. С её пальцев сорвалась крохотная золотая искра. Мёртвый северный хрусталь тут же отозвался,

вспыхнув тёплым, живым пламенем, как новогодняя свеча.

Внизу, прямо у подножия лестницы, сидел Крыс. Сорокакилограммовый котяра привалился пушистым боком к деревянной перекладине и преданно, не мигая, караулил свою новую хозяйку.

Заметив в дверях Дамиана, кот недовольно прижал рваное ухо и издал низкое, предупреждающее ворчание — мол, не смей портить мне тут уют.

От этого звука Аврора вздрогнула, едва не выронила свитки и судорожно вцепилась обеими руками в ступеньку.

— Боги всемогущие! — выдохнула она, глядя на него сверху сквозь стёкла очков. — Вы что, специально тренируетесь подкрадываться как привидение?!

Дамиан привалился плечом к косяку, скрестив руки на груди. Его взгляд неторопливо скользнул по её голым коленкам, выглядывающим из-под его собственного свитера, поднялся к раскрасневшемуся после горячей воды лицу и остановился на тёплых золотых огоньках под куполом.

В груди снова сладко и тяжело заныло.

— Освоилась, смотрю, — негромко произнёс он, отлепляясь от стены и подходя вплотную к лестнице. — Свитер мой стащила, кота прикормила и самоуправством в библиотеке занимаешься.

— Ваши портные принесли какие-то колючие мешки, а эта кофта хотя бы мягкая, — ничуть не смутившись, заявила Аврора, но спускаться вниз почему-то не спешила, осторож-

но косясь на него со своей высоты. — А в вашей библиотеке такая темень и сырость, что плесень скоро книги сожрёт. На дворе канун Йоля, между прочим, а у вас тут как в склепе.

Дамиан положил ладони на деревянные поручни лестницы, отрезая ей пути к отступлению, и посмотрел на неё снизу вверх.

— Спускайся, мышка, — его голос упал до низкого, хрипловатого шёпота. — Солнце село. Ужин стынет, а после него нам предстоит долгая ночь. Пора отрабатывать сделку.

Глава 5. Аврора

Спускаться вниз под прицелом этих льдистых глаз было тем ещё удовольствием.

Проклятые очки, которые мне днём принёс старый дворецкий, пришлись впору, и теперь я видела Дамиана в мельчайших подробностях. Лучше бы оставалась слепой, честное слово. Когда он стоял внизу, широко расставив ноги и положив крупные ладони на поручни лестницы, становилось совсем не по себе. Мощная шея, жёсткая линия челюсти, расстёгнутый ворот чёрной рубашки, откуда выглядывали тёмные морозные росчерки на коже.

— С дороги, милорд, — буркнула я, крепче прижимая к груди стопку свитков. — Или будете ловить меня вместе с макулатурой.

— Прыгай, поймаю, — усмехнулся он, не сдвинувшись с места.

Я закатила глаза и осторожно шагнула на ступеньку ниже. В толстых шерстяных носках ноги скользили по отполированному дереву. На предпоследней перекладине пятка всё-таки поехала. Я охнула, выронила свитки и полетела спиной вперёд.

Упасть я не успела. Дамиан легко перехватил меня одной рукой поперёк талии, припечатав к себе так, что я носом ткнулась ему прямо в ключицу. От его кожи пахло морозом

и чем-то терпким, хвойным.

Его ладонь сквозь толстую вязку свитера легла мне на поясницу и сжала чуть сильнее, чем требовалось. По спине тут же побежали предательские мурашки, а внизу живота снова сладко ёкнуло.

Под ногами недовольно заворчал Крыс. Белый котяра бесцеремонно боднул башкой колено хозяина и принялся тереться пушистым боком о мои щиколотки.

— Поставьте меня на пол, — я упёрлась ладонями в его плечи. — И вообще, спасибо за очки. Не думала, что правитель Севера станет гонять людей по сугробам ради моего зрения.

Дамиан неохотно разжал пальцы, позволяя мне встать на ковёр.

— Мне не нужно, чтобы мой единственный донор свернул себе шею на лестнице до Йоля, — сухо ответил он, хотя в уголках его губ мелькнула тень улыбки. — Оставь свои бумажки и пошли.

Малая каминная оказалась небольшой уютной комнатой со сводчатым потолком и огромным очагом, в котором весело трещали березовые поленья. На круглом столе уже дымилось жаркое с травами, стояли миски с наваристым бульоном и кувшин тёмного вина, от которого на всю комнату плыл густой аромат корицы, гвоздики и мёда.

У меня в животе предательски заурчало. Я только сейчас сообразила, что с самого утра крошки во рту не держала, ес-

ли не считать того куска сыра, который удалось спасти от кота.

Мне не нужно было повторять дважды. Я плюхнулась в глубокое кресло, поджала под себя ноги в чулках и с наслаждением принялась за еду. Горячее мясо таяло во рту.

Дамиан устроился напротив. Сам он почти не ел — только лениво крутил в пальцах тяжёлый кубок с пряным вином и не сводил с меня тяжёлого, изучающего взгляда. Крыс тут же примостился возле моего стула и принялся гипнотизировать мою тарелку. Я втихаря кинула ему под стол кусок.

— Значит, откармливаете перед убоем? — спросила я, прожевав и потянувшись за кубком с глинтвейном. Горячее вино приятно обожгло горло и разлилось теплом по жилам. — В столице говорят, что прошлые девицы в вашей цитадели до весны не доживали. Тоже сначала свитеры им раздавали или сразу на алтарь тащили?

Дамиан помрачнел. Его пальцы сжали ножку кубка так, что побелели костяшки.

— Меньше слушай столичных сплетниц, — глухо бросил он. — Твои южные лорды — стая жадных шакалов. За последние три года мне подсунули четырёх девиц, уверяя, что в них течёт чистый огонь. На деле в них не нашлось бы искры даже на то, чтобы поджечь лучину.

Я удивлённо приподняла брови, отставив бокал.

— И что вы с ними сделали?

— Отправил в дальнее аббатство за перевалом, доживать

свой век в тишине и сытости, — Дамиан криво усмехнулся. — Убивать бесполезных дур — много чести. А назад в столицу им дороги не было: свои же родственнички придушили бы их в первой канаве, чтобы я не потребовал назад уплаченное золото.

Я замолчала, переваривая услышанное. Выходило, страшный северный людоед никого не убивал. Но если доноры оказывались пустышками, то за чей же счёт держался защитный купол все эти зимы?

Мой взгляд невольно упал на его предплечья, где из-под закатанных рукавов вились чёрно-синие, похожие на мёртвые корни узоры проклятия. Они поднимались по шее почти к самому подбородку.

— Вы кормили Кристалл собой, — тихо сказала я. Это был даже не вопрос.

Дамиан резко поставил кубок на стол.

— Ешь давай, — отрезал он. — Не твоего ума дело, чем я плачу за границы Предела.

Он явно не выносил жалости. Да и какая, к чертям, жалость к тому, кто выкрал меня с бала и держит под замком? Но почему-то внутри против воли шевельнулось странное, щемящее чувство. Этот угрюмый великан в одиночку тянул на себе весь промёрзший Север, пока моя родня проматывала деньги в тёплых гостиных.

Когда с ужином было покончено, Дамиан поднялся из-за стола и бросил взгляд на высокий напольный хронометр в

углу. Стрелки указывали на девять вечера. За узкими окнами вовсю бесновалась метель — ветер с глухим воем бился в толстые стёкла.

— Идём, — коротко скомандовал он, направляясь к внутренней лестнице, ведущей обратно в его спальню. — Время вышло.

У меня сразу пересохло во рту, а вся смелость куда-то улетучилась. Одно дело — храбриться за столом, и совсем другое — идти ночью в спальню к мужчине, от одного взгляда которого подгибаются колени. Но отступать было поздно. Я сама предложила эту чёртову сделку.

В спальне горел только камин. Пространство перед очагом было застелено огромными пушистыми шкурами. От огня шёл сухой жар, на стенах плясали длинные неровные тени. Крыс остался внизу доедать жаркое, и теперь мы были совершенно одни.

Дамиан остановился у края шкур и без лишних предисловий принялся расстёгивать пуговицы своей чёрной рубашки.

Я замерла у двери, не зная, куда деть глаза. Когда он стянул ткань с плеч и отбросил её на кресло, у меня перехватило дыхание.

Он был сложен так, что впору статуи лепить. Широкая грудь, жёсткие плиты мышц на животе, косые линии, уходящие под пояс тёмных брюк. И по всей этой бледной, словно высеченной из мрамора коже от самого сердца расползалась пугающая паутина тёмно-синего льда. Даже на расстоя-

нии двух шагов от его обнажённого торса тянуло такой лютой стужей, что у меня закололо пальцы.

— Чего застыла у порога? — Дамиан повернул голову в мою сторону. В полумраке его глаза хищно блеснули. — Иди сюда. И сними свитер.

Кровь разом прилила к лицу. Под его безразмерным свитером на мне не было вообще ничего, кроме тонких батистовых панталон и шерстяных чулок — своё драное платье я сама же выкинула в корзину после купальни, а казённое бельё из сундука кололось так, что надевать его было пыткой.

— Я... могу и в свитере, — пробормотала я, машинально вцепляясь пальцами в растянутый подол кофты.

— Не выдумывай, — Дамиан шагнул ко мне, в два счёта преодолевая расстояние. — Решила поиграть в скромницу, Аврора?

Конечно, куда уж мне. Для него, привыкшего к холёным столичным красоткам с идеальными формами, я была просто неуклюжей серой мышкой из архива. Вечно сутулая, без всяких женских уловок, да ещё и в дурацких очках. Мысль о том, что он сейчас будет разглядывать меня с тем же холодным безразличием, с каким покупал на балконе, резанула по самолюбию сильнее страха.

— Если сниму очки, — буркнула я, глядя в сторону. — Тогда раздевайтесь хоть догола.

Дамиан нахмурился, не понимая, к чему я клоню, но потом уголок его губ дёрнулся. Он протянул руку, осторожно

снял с моего носа черепаховую оправу и положил её на столик.

Мир вокруг снова стал мягким и размытым. Очертания комнаты поплыли, зато я больше не видела каждой чёрточки на его надменном лице. Так было куда проще.

Пока я собиралась с духом, Дамиан потерял терпение. Он просто взялся обеими руками за нижний край свитера и одним плавным движением стянул его с меня через голову.

Я инстинктивно вскинула руки, пытаясь прикрыть обнажённую грудь ладонями, и сжалась.

Но Дамиан не дал мне спрятаться. Он мягко перехватил мои запястья и развёл руки в стороны.

Несколько долгих секунд он просто молчал, разглядывая меня в отблесках огня. Я не видела чётко его глаз, но физически ощущала, как его взгляд скользит по моей шее, плечам, опускается к полной груди с затвердевшими от прохлады розовыми вершинками и талии.

Его дыхание вдруг стало тяжёлым, прерывистым.

— Боги, — глухо, почти с каким-то злым отчаянием выдохнул он. — И кто-то смел называть тебя блёклой?

Прежде чем я успела осмыслить эти слова, он шагнул вплотную и прижал меня к своей голой груди.

Я громко вскрикнула от неожиданности. Первую секунду казалось, что меня бросили прямо в прорубь — его кожа была ледяной, твёрдой, как камень. Но уже в следующее мгновение внутри меня что-то глухо ухнуло, срываясь с цепи.

Тот самый изматывающий жар, от которого я годами мучилась мигренями и бессонницей, хлынул из моей груди прямо в его ледяную плоть.

Мы оба содрогнулись одновременно.

Дамиан издал низкий, гортанный звук, больше похожий на рычание зверя, подхватил меня под бёдра и опустился вместе со мной на пушистые шкуры перед камином, укладывая меня на лопатки и нависая сверху.

Мне больше не было холодно — я горела. Там, где его тяжёлое тело прижималось к моему, разливалось такое острое, невыносимо сладкое удовольствие, что голова шла кругом. Это было хуже любого дурмана. Мой собственный резерв, выходя наружу, задевал каждый нерв, превращая каждое его прикосновение в чистую пытку.

— Тише, мышка, не зажимайся, — хрипло прошептал Дамиан мне в самое ухо. Его голос вибрировал, отдаваясь где-то внизу живота. — Отдай мне это.

Его ладонь — уже не ледяная, а обжигающе тёплая от моей собственной силы — легла мне на ребра и медленно скользнула вверх, накрывая грудь. Большим пальцем он провёл по набухшему соску, слегка сжимая его.

Я выгнулась в спине, судорожно хватая ртом воздух, и сама не заметила, как вцепилась пальцами в его рассыпавшиеся белые волосы. Стыд куда-то испарился, осталась только дикая, пульсирующая потребность, чтобы он не останавливался.

Дамиан наклонился и накрыл мою грудь губами. Когда его горячий язык коснулся чувствительной вершинки, а зубы легко, на грани боли прихватили нежную кожу, из моего горла вырвался громкий, бесстыдный стон. Поток магии между нами вспыхнул с новой силой — я даже сквозь полуприкрытые ресницы видела, как по его плечам и спине пробегают золотистые всполохи, стирая проклятую синеву.

Он целовал меня жадно, почти грубо, словно дорвавшийся до воды путник. Его губы поднимались от груди к ключицам, к шее, пока наконец не накрыли мой рот.

Меня ещё никто никогда так не целовал. Он не спрашивал разрешения — просто смял мои губы, заставляя разомкнуть их, и проник языком внутрь, пробуя меня на вкус и выпивая каждый мой прерывистый выдох. От его напора в ушах стоял сплошной гул, я неумело отвечала ему, прижимаясь голой грудью к его твёрдому торсу и окончательно теряя голову.

Его тяжёлая ладонь заскользила вниз по моему плоскому животу, задела резинку тонких панталон и без колебаний нырнула под ткань, прямо между бёдер.

Я резко дёрнулась, инстинктивно сжимая ноги, и оторвалась от его губ.

— Дамиан, не надо... — сипло выдохнула я, глядя в его потемневшее лицо прямо над собой. — Я не...

— Знаю, — глухо перебил он, не убирая руки. Его глаза пожирали меня с такой первобытной одержимостью, что у меня перехватило дух. — Я не трону тебя дальше, пока сама

не попросишь. Но чтобы резерв вышел без боли, ты должна разрядиться. Доверься мне, Аврора.

Его длинные пальцы скользнули по пульсирующей плоти, безошибочно находя самую чувствительную точку.

Я зажмурилась и закусила губу, но это не помогло. То, что он вытворял со мной одной лишь рукой, выходило за все грани разумного. Его пальцы двигались уверенно, ритмично, то ускоряясь, то мучительно замедляясь, пока сам он целовал мою шею и шептал на ухо какие-то отрывистые северные слова.

Тело больше мне не принадлежало. Бедра сами собой приподнимались навстречу его ладони, в животе натягивалась тугая, раскалённая струна. Жар внутри достиг предела, требуя выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.